

PATRYK WITCZAK (BYDGOSZCZ)

БЫТ И БЫТИЕ В ПРОЗЕ НИНЫ БЕРБЕРОВОЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ЦИКЛА *РАССКАЗЫ НЕ О ЛЮБВИ*)

Нина Берберова (1901–1993) принадлежит к тем представителям младшего поколения русской эмиграции первой волны, имена которых, вопреки Владимиру Варшавскому и его теории о «незамеченном поколении», сохранились в памяти не только знатоков литературы русского зарубежья, но также и многих читателей. Как известно, в свое время писательница была на устах всех благодаря нашумевшей автобиографии *Курсив мой* (1969), в которой она повествовала не только о себе, но прежде всего о выдающихся личностях русской культуры, оказавшихся вследствие большевистского переворота за пределами родины. В сплетничестве и фактографических ошибках обвинил Берберову эмигрантский прозаик и критик Роман Гуль в рецензии на *Курсив мой*:

Я отметил только те ошибки, что бросились мне в глаза. Это низменная (прошу прощения у читателей, но не нахожу другого слова) книга фактическими ошибками и извращениями фактов переполнена. И может подвести малосведущих иностранцев, если они примут на веру небылицы госпожи Берберовой (Гуль 2000: 214).

Для сравнения, Евгений Витковский утверждал: «К счастью, книга написана и известна всему миру». Скандал, вспыхнувший после выхода *Курсива*, как это часто бывает, способствовал росту популярности книги и ее автора. Заинтересованность воспоминаниями Берберовой отразилась в достаточно богатой критической литературе. Стоит подчеркнуть, что свою лепту в научное описание анализируемых нами мемуаров внесли польские ученые, исследуя разные аспекты книги: структуру, поэтику, проблематику, а также художественное сознание (Banasiuk 2009; Мяновска 2008; Мяновска 2011; Paszkiewicz 2011; Kuca 2013; Biniewska 2013).

В свете огромного успеха автобиографии *Курсив мой*, многие забыли о других достижениях Берберовой в области литературы, а ведь диапазон жанров, к которым эмигрантка обращалась, был широк. Еще

перед отъездом во Францию писательница дебютировала как поэтесса, чтобы в эмиграции стать автором рассказов, повестей, романов, литературных биографий и даже драматургии. По мнению Анны Возняк, биографические книги Берберовой, заслуживают «не меньшего внимания исследователей, чем спорный *Курсив мой*» (Woźniak 2015: 697). В настоящей статье наше внимание сосредоточим на фикциональной прозе Берберовой и представленных в ней понятиях быта и бытия.

На то, что изображение повседневного быта русских эмигрантов в изгнании являлось доминантой творчества Берберовой, однозначно указывали многие ученые, включая таких знатоков литературы русского зарубежья, как Владимир Агеносов (Агеносов 1998: 10) и Глеб Струве (Струве 1996: 196–197). Сама писательница тоже подчеркивала, что тема эмигрантского быта была ей особенно близкой. В предисловии к *Биянкурским праздникам* (1928–1940) она заявляла:

Я начала писать прозу в 1925 году и в течение двух лет искала почву, или основу, или фон, на котором могли бы жить и действовать мои герои. Старой России я не успела узнать, и писать о ней, даже если бы я ее знала, меня не интересовало: в эмиграции и ее центре, Париже, было достаточно «старых» писателей, которые могли увлечь воспоминаниями о царской России только тех, которые жили в прошлом. Писать о Франции и французских «героях» (как делали некоторые из моих сверстников, начинающих прозаиков) мне не приходило на ум. [...] я тогда ни говорить, ни писать о себе не умела; мне необходимо было найти хотя бы в малой степени установившуюся **бытовую** обстановку, людей, если не прочно, то хотя бы на время осевших в одном месте и создавших подобие **быта** вне зависимости от того, нравится мне эта обстановка, ими созданная, и нравятся ли мне они сами [подчеркнуто – P. W.] (Берберова 2009: 7).

Итак, жизни «маленьких людей» в Париже Берберова посвятила свои романы *Последние и первые* (1930), *Повелительница* (1932), *Без заката* (1938) и *Мыс бурь* (1959), а также многочисленные рассказы и повести, цикл *Рассказы не о любви*, которому уделим особое внимание. Однако, прежде чем начать анализ проблем быта и бытия в прозе автора книги *Курсив мой*, целесообразно обратиться к семантике этих понятий. В словарях русского языка быт толкуется как:

1. Условия существования, жизненный уклад какого-либо народа, социальной среды (городской, сельский; патриархальный быт);
2. Повседневная жизнь человека в ее привычных проявлениях; установившийся порядок жизни (домашний, семейный);
3. Разг. О домашней обстановке, хозяйстве и заботах по его ведению (быт заел) (Кузнецов 2000: 107).

Бытие же понимается как: «жизнь, существование» (Ожегов 2006: 66). Таким образом, в философском контексте, быт можно понимать как материальный, а бытие – как духовный мир. Быт – это реальность, мир объективный и независимый от человеческого сознания. Бытие – это более широкая категория, по мнению Марии Кшондзер, вбирающая «в себя понятие быт, однако трактует его в контексте общемировоззренческих понятий „сущего“, взаимосвязи явлений, процессов и состояний» (Кшондзер 2014: 217). Если в литературе XIX века понятие быт обозначало прежде всего описание повседневности, то в XX веке расширилось его значение, а бытовое превратилось в бытийное. Быт «начинает восприниматься и осмысляться как «звено в цепи бытия», через которое можно найти выход к эпохальным и вечным проблемам действительности» (Кшондзер 2014: 217). На наш взгляд, творчество Берберовой тоже эволюционировало от описания быта к изображению бытия. Цикл рассказов *Биянкурские праздники*, посвященный повседневности русских эмигрантов, живущих и работающих в парижском пригороде Биянкур, помимо иронии и приема сказа, по мнению исследователей, прежде всего оценивается не как художественное произведение, а как документ эпохи (Зверев 2003; 58; Witczak 2013: 138–140; Biniewska 2015: 419–420). К такому толкованию пришла и сама писательница, оценивая свои первые рассказы с большой временной дистанции:

Их историко-социологическое значение (как мне сейчас кажется) далеко превосходит их художественность [...]. Уже году в 1931-м я параллельно с *Биянкурскими праздниками* начала писать рассказы собственным голосом [...]. Начался другой период, может быть менее социологически интересный, но, несомненно, художественно более зрелый» (Берберова 2009: 9, 12).

К более зрелым произведениям Берберовой можно отнести прозаический цикл *Рассказы не о любви*, состоявший из девятнадцати текстов, написанных с 1931 по 1940 год и посвященных разным аспектам жизни русских на чужбине. Марина Хотямова в этой связи, анализируя особенности повествования рассказов Берберовой 20–30-х годов, констатирует:

Преобладание текстовой интерференции над перволичным повествованием свидетельствует о более сложном [...] изображении. Интроспекция в сознание героя (чаще всего – главного) необходима не только для проникновения в феномен экзистенциального переживания личности, но и для осмысления констант эмигрантского существования (Хотямова 2012: 107).

Элеонора Малыхина добавляет: «в отличие от рассказов *Биянкурских праздников* в этом цикле (*Рассказы не о любви* – Р. W.) представлены гораздо дифференцированные образы персонажей с детально прописанными психологическими чертами» (Малыхина 2013: 21–22). Заглавие цикла с одной стороны предвещает пессимистическое настроение рассказов, ведь мир без любви грустный и унылый, с другой – определяет серьезную проблематику. Берберова как бы отмежевывается от характерной для т. н. женской литературы любовной темы, к которой критики часто относились пренебрежительно.

Стоит отметить, что в *Рассказах не о любви* автор уже не подчёркивает значения материальных проблем своих героев с такой интенсивностью, как это случалось в *Биянкурских праздниках*. Несомненно, мотивы бытовой нищеты, отсутствия денег и работы появляются, однако на первый план выдвигаются духовные вопросы, нацеливающие читателей на аспекты нравственности. Анализируемый цикл открывает рассказ *Те же, без Константина Ивановича* (1931), в котором особенно выразительно звучит проблема взаимоотношения быта и бытия. Берберова описывает повседневность типичной семьи русских эмигрантов в Париже. Эта типичность и нормальность начали мучить Константина Ивановича – голову дома. Герой думал о себе как о небанальной личности, как о писателе и философе, которому его родственники мешали развиваться – у него «была духовная жизнь» (Берберова 2010: 92). Он заявил жене Наталье Петровне, что «жить с семейством для него – удушье» (Берберова 2010: 91), затем он бросил детей и ушел из семьи. Наталья Петровна приняла решение мужа со спокойствием, чувствуя себя виновной в сложившейся ситуации:

И он, конечно, был прав, – рассуждала Наталья Петровна, – есть что-то смешное в том, что мы все всемером ходим в гости, в лавки, в кино. И если заболевает бабушка, никому в голову не придет уйти к себе, почитать или заняться чем-нибудь – все тут и сидят, и все делают сообща, и так этим счастливы, что другой жизни и не хотят (Берберова 2010: 92).

Много лет спустя Константин Иванович приехал в Париж как известный мыслитель выступить с лекцией. Когда оказалось, что он получил стипендию и у него появилось много почитателей, Наталья Петровна еще больше утвердилась в том, что когда-то «он поступил вполне правильно» (Берберова 2010: 93). Однако, когда вся семья пошла послушать Константина Ивановича и посмотреть, на какую жизнь он их поменял, все пришли в недоумение. Оказалось, что герой «говорил, как говорят люди, вовсе не интересующиеся, слушают их или нет, и кто слушает, и сколько перед ними народу» (Берберова 2010: 96).

Хотя Наталья Петровна все-таки пыталась защищать мужа перед родственниками, то внутренне она чувствовала, что уже его не понимает и не уважает. Она пыталась уверить саму себя:

[...] если не будет таких людей как Костичка, вселенная покроется плесенью, останется одна кастрюля для варки борща да лохань с мыльной пеной. А разве есть какая мысль или красота в борще или мыльной пене? (Берберова 2010: 97)

Рассказ Берберовой неоднозначен. В нем оппозиция быт – бытие трансформируется в оппозицию приземленное – возвышенное, и затем телесное – духовное. С одной стороны, писательница подчеркивает значимость бытия, питания не только тела, но и души. Этот аспект был очень важен в среде русских эмигрантов, которые целыми днями работали на такси или на французских заводах. Времени для духовного развития не оставалось. Такую ситуацию особенно трудно было выдержать представителям интеллигенции, которых предыдущую жизнь в большей части составляли книги, театр, кино. С другой стороны, Берберова обращает внимание на то, какую огромную роль в жизни человека занимает семья. Если у нас есть близкие люди, тогда составляющие бытия можно найти даже в самых простых ежедневных действиях и обязанностях. Тем самым, в анализируемом произведении, бытовое и бытийное накладываются друг на друга, образуя единое целое. Иными словами, мысль и красоту можно найти в повседневности, даже в «борще» и «мыльной пене».

Берберова часто пользуется приемом детализации. Одно незначимое событие, вещь, элемент архитектуры становятся у писательницы толчком к более глубоким рассуждениям о вечных темах человечества. Эти детали обладают разнообразной структурой. Внешне они просто помогают конструировать пространство, в рамках которого функционируют выстраиваемые Берберовой герои. Однако, кроме того, они являются носителями более сложной эмоциональной нагрузки. К примеру, в произведении *Перчатки* (1932) элементы быта, т. е. вещи, выполняют сюжетно- и структурообразующие функции. Главная героиня рассказа Гита – русская эмигрантка, живет в крайней нищете: «в доме было нетоплено», «электричество [...] было выключено за неплатеж», а спутник ее жизни – Руффи – часто ругался и злился. К тому же протагонистка страдала от сильных болей, мучивших ее из-за автомобильной катастрофы, которая лишила ее не только здоровья и красоты, но прежде всего настоящей жизни. Главным источником страдания Гиты были не бытовые проблемы, с которыми ведь можно бороться, а душевнораздирающее одиночество. Целыми днями она сидела одна, пытаясь чем-то заняться. У нее не было уже подруг, а Руффи возвращался

домой поздним вечером или утром. Долгое время она сидела у туалетного стола и, осматривая с отвращением свой новый облик, одевалась часа три. Потом ждала возвращения своего парня и делать ей больше было нечего. Чтобы усилить ощущение безнадежности положения женщины, ее серой и монотонной жизни, Берберова противопоставляет прежнюю – ничем не ограниченную и полную движения: «А жизнь ускоряла бег, не считаясь ни с чем, день превращался в ночь, а ночь в день. Ни пространство, ни время не имели значения, [...] не было запретов, все было позволено» (Берберова 2010: 117). Эта беззаботная, «летучая» и «ветренная» жизнь оказалась очень хрупкой. Ее прекратил несчастный случай, который метафорически похоронил Гиту еще при жизни в бедной и грязной квартире, ставшей для нее inferнальным пространством, напоминающим одновременно и гроб, и тюрьму.

Пережить каждый следующий одинокий и жалкий день Гите помогали вещи, напоминающие о хороших моментах прежней жизни. К завтраку «надевала она единственное, но из лучшего парижского дома платье» (Берберова 2010: 111). Это платье давало возможность на мгновение вернуться мыслями к счастливым дням и опять улыбнуться. Помочь развлечься должны и вынесенные к заглавию рассказа перчатки, которые Гита очень хотела купить. Одну пару она на самом деле купила, а две другие украли. Перчатки являлись обязательным аксессуаром каждой элегантной дамы, поэтому они напомнили о роскоши прошлого, однако радость после их приобретения долго не продолжалась, и скука быстро вернулась:

Гита ушла в спальню и легла на неубранную постель. Делать было нечего, и думать было не о чем, зеркальный шкаф отражал туалетное зеркало, а туалетное зеркало отражало зеркальный шкаф. А между ними на кресле со вчерашнего дня валялись краденые перчатки (Берберова 2010: 118).

Проводя целые дни дома одиноко среди вещей, Гита пришла к выводу, что:

Вещи выдадут все: распахнется дверь шкапа и что-нибудь уцелевшее из прошлого – бирюзовое расшитое стразами платье – скользнет с хрупких деревянных плеч вешалки; или выдаст ее пыльный заброшенный альбом фотографий – Гита в снегу на лыжах, Гита на берегу моря [...]. Гита на широком диване с пекинской собачкой (Берберова 2010: 114).

Вещи имеют свою душу, в них есть заколдованная прежняя жизнь, которую можно временно восстановить, просматривая старые фотографии или надевая старую одежду. Однако приезд младшей сестры Гиты – Лизы – разрушил иллюзорный мир, который она себе выстроила.

Гита отдала себе отчет в том, что тоскует не по деньгам, платьям, мужчинам и балам, а по скромной жизни с бабушкой и сестрой, которых бросила в поисках счастья:

А сейчас она видела, что никогда ничего не делала из того, что хотела, и что в ее судьбе озяйничали чужие, грубые люди. И ей захотелось вернуть тот безумный день, тот страшный день, когда она уехала от Лизы и бабушки, из человеческой, трудной, но стойкой жизни, в жизнь бесчеловечного и жестокого кинематографа, который тоже назывался жизнью (Берберова 2010: 116–117).

Таким образом Берберова в своем рассказе раскрывает две важные экзистенциальные проблемы, а также указывает на неоднозначную роль, которую вещи играют в жизни человека. Во-первых, писательница обращает внимание на одиночество, которое касалось многих эмигрантов и часто прикрывало их материальные заботы. Тема одиночества выразительно отразилась в творчестве младших эмигрантов, прежде всего представителей парижской ноты. Бытовое пространство, в котором пришлось пребывать героине рассказа *Перчатки*, наполнено психоаналитическим подтекстом. Безобразное и унылое проживание среди чужих предметов можно интерпретировать как аллегория положения многих русских изгнанников, сильно осознававших свое одиночество и не могущих обрести внутренней гармонии в чужой стране. Исходя из типологии одиночества, можно констатировать, что в случае русских скитальцев имеем дело, с одной стороны, с социальным одиночеством, обозначающим общественную исключенность и изоляцию, с другой стороны – с культурным одиночеством, понимаемым как освобождение от связей с национальной культурой (Domeracki 2004: 37). Героиня рассказа Берберовой была лишена не только отчизны, но также российских культурных норм и традиций – ведь она добровольно отреклась от своих корней, уходя от сестры и бабушки. Приведенный выше эпизод, когда Гита не может узнать себя в зеркале, можно истолковывать как потерю своей тождественности. Таким образом, сюжет в *Перчатках* становится универсальным.

Во-вторых, Берберова указывает также на проблему падения системы ценностей людей первой половины XX в., не только тех, лишенных отчизны. Вещи, с одной стороны могут стать сокровищницей ушедших эмоций и воспоминаний, с другой – они являются источником искушения, из-за вещей человек забывает о настоящих ценностях. Перчатки – фетиш, жажда обладания ними настолько сильна, что приводит к преступлению, однако, как оказывается в финале рассказа, не приносит утешения. Счастье – это жизнь среди близких людей, вещи не способны их заменить.

Мир вещей занимает центральное место также в рассказе *Аукцион* (1938), фабульную ось которого составляет описание продажи имущества двух умерших сестер. Берберова опять утверждает, что вещи много говорят о их владельцах, они являются носителями определенных кодов, которые внимательный свидетель может легко расшифровать:

У людей, живших здесь, были ковры, были картины неизвестных художников и были швейная машина и мороженица, так что человеку с воображением легко было бы восстановить всю жизнь, которая здесь шевелилась еще совсем недавно (Берберова 2010: 184).

В рассказе ставится вопрос о том, какое место вещи занимают в жизни человека и сколько они стоят сами по себе, без своих владельцев. Участники аукциона с удивлением смотрели как легко и быстро можно продать предметы, которые еще совсем недавно являлись важной частью чьей-то жизни: «вещи переходили из рук его (аукционщика) помощников в руки торгующихся быстро и бесхлопотно» (Берберова 2010: 186).

Аукцион для одной из участвующих в нем семей стал толчком к продаже своего скромного имущества и заработка. Поиски фантов показали, что сентиментальная ценность вещей в оценке одного человека, часто не совпадает с ее объективной материальной ценностью. Большая картина Айвазовского, книги Пушкина и иконы являются артефактами, носящими в себе кусочки потерянной родины, однако в новой чужой действительности они почти ничего не стоят:

– А за Айвазовского что дадут?

– Франков десять. [...]

Икона. Ее в придачу к кофейной мельнице дадут (Берберова 2010: 187–188).

Оказывается, что больше денег можно получить за корзину, электрическую лампу, столик, печь и топор, чем за шедевры русских классиков. Как вытекает с вышесказанного, в рассказе *Аукцион* вещи отражают дух уходящей эпохи и, одновременно, авторское отношение к происходящим вокруг социальным переменам. В этой связи символическое значение имеет музыка, звучавшая в доме русских эмигрантов: «и все это под ланнеровские вальсы, звучавшие в тот вечер как-то особенно прекрасно, как звучали они еще в *Дворянском гнезде* или в каком-нибудь другом, непохожем на наше месте» (Берберова 2010: 188). В понимании Берберовой предметы составляют важную и неразрывную часть повседневной жизни человека. Они связаны не только с телесным аспектом его существования, но также и с его внутренней экзистенцией.

Еще другую роль играют предметы в рассказе *Поэма в прозе* (1932). Протагонист произведения не жалуется на отсутствие денег, из описания его повседневности вытекает, что он финансово обеспечен. Однако нельзя сказать, что мужчина счастлив, его, как и героиню рассказа *Перчатки*, мучит одиночество, у него нет никакой цели в жизни. Такое безобразное существование усиливает ощущение безнадежного ухода времени и бессмысленности жизни. Герой рассуждает:

Когда я скучаю, я чувствую, что побежден временем. Секунды на часах шуршат, как большие стрекозы. [...] пока я буду жив, будет и время – стрелка спустится по циферблату, и стрелка поднимется, и повторит этот путь без конца и счета, календарные листы облетят, дни сольются в памяти прочной бесцветной массой, и ни один из них не смогу я выделить, оживить, заставить повториться снова, вынуть из этого цемента прошлого (Берберова 2010: 101).

С отвращающей скукой и унылостью бытия он пытается бороться длинными и бесцельными прогулками по пригороду Парижа.

Просто я давно уже придумал себе дело: наблюдать за тем, что поставлено, положено или брошено вокруг меня. Это наводит меня на занятие мысли, которые вместе с ленью и составляют мою основную сущность (Берберова 2010: 102).

Таким образом, опять сталкиваемся с социальным одиночеством, когда человек не может почувствовать никакой связи с окружающей его средой. Внутренняя пустота оказывается непреодолимой.

Единственным развлечением героя стали регулярные визиты его знакомого – Кроуна, который тоже страдал от одиночества: «Я же решительно никого не вижу, кроме вас. Живу один-одиошенек» (Берберова 2010: 107). Хотя друзья были совсем разные и часто не понимали друг друга, другой альтернативы для преодоления скуки у них не было. Их встречи способствовали раздумьям о серьезных человеческих проблемах. Итак, в ходе одного разговора, касающегося дорогих и высококачественных вещей, Кроун констатировал:

А вдруг вещи окажутся слишком прочны? [...] Переживут меня. Подумайте, обида какая! Я мучился, тужился, обзаводился первым сортом, а он, подлец, возьми да и окажись прочнее и первосортнее самого меня. Очень будет досадно (Берберова 2010: 104).

Предметы долговечны, они способны пережить людей. С такой же ситуацией сталкиваемся и в анализируемом рассказе *Аукцион*, в котором продавали вещи покойниц. Когда человек отдаст себе отчет в том, что вещи, которые он так собирает всю жизнь и думает, что они принесут

ему счастье, окажутся крепче его, можно потерять смысл существования. Будущее представляется еще печальнее, если мы осознаем, что у нас нет никого, кому мы могли бы оставить свои сокровища. С такой проблемой сталкивается главный герой рассказа *Твердый знак* (1933) – Александр Львович Красноперов. Этот 54-летний русский эмигрант очень богат, он приобретает элегантные и роскошные предметы, однако не потому, что они приносят ему особое удовольствие. Они просто вызывают у других людей восторг и восхищение:

Шлепанцы, халат, взъерошенные полуседые волосы, дыра во рту сбоку – это так для себя. Если кто-нибудь звонит, сейчас же выкидывается из шкафа малиновая, в ястребах шелковая хламида, сафьяновые туфли, душистой щеткой приглаживаются волосы, вставляется зуб (Берберова 2010: 120).

Герой любил хвастаться своими вещами, думая, что они указывают на его высокий социальный статус: «Александр Львович сел, утвердив на столе свою шляпу изнанкой вверх, и она вдруг показала миру свою роскошную внутренность: белый атлас, золотой росчерк фирмы, эмалевые инициалы» (Берберова 2010: 122).

Поверхностное благополучие не совпадало с внутренним состоянием героя, который, гоняясь за деньгами, потерял из виду то, что в жизни главное – любовь другого человека. Хотя у Александра Львовича была дочь, он порвал с ней отношения и не отвечал на ее просьбы о материальной поддержке. Жизнь протагониста со временем становилась все безобразнее, однако сам герой этого не замечал: «Как изящная жизнь, – думал он, – и как изящно живу я сам, надо только стараться не замечать уродств» (Берберова 2010: 125). Единственным развлечением Александра Львовича были женщины, которых внимание он покупал дорогими подарками, однако, когда он нуждался в ласках и близости другого человека, оказывалось как эфемерными были все его знакомства – никто не имел для него времени. Берберова подытоживает свои рассуждения о превосходстве настоящих чувств над миром вещей описанием ситуации в театре, когда молодая женщина, в ответ на замечания героя о том, кого и куда можно или нельзя впускать, обратилась к нему следующими словами:

– Скорей, торопитесь! Не то вас упразднят! Старайтесь всю, ведь таких, как вы, ни-ког-да больше не будет!.. Вы уже и сейчас не нужны никому, как твердый знак, да, да, напрасно вы так бережно взяли его с собой вокруг земного шара! Ах, если бы вас можно было надеть, как бабочку, на булавку!.. (Берберова 2010: 126).

В этом одном кратком высказывании соединяются два экзистенциальных вопроса бытия. Во-первых, автор обращает внимание на место, какое русские эмигранты занимали во французском обществе. Независимо от их социального положения они всегда оставались чужими. Во-вторых, Берберова выдвигает на первый план иллюзорность денег, за которые нельзя купить настоящего уважения и любви. Такая же жизненная истина звучит в рассказе *Сказка о трех братьях*, главный герой которого – Дикер – как и Александр Львович не жалуется на отсутствие денег, он лишен смысла жизни. Решение продажи дома вместо новой жизненной энергии, обнаружило одиночество героя, который пришел к выводу, что всегда в этом доме он был чужим. Знакомство с семьей нового владельца проявило в Дикере чувства, о которых он уже давно забыл и которые напомнили ему о том, что жизнь проиграна. После того, как он уехал из родной страны, Дикер перестал жить, а начал просто существовать: «[...] ему казалось удивительным, что есть еще на свете такая могучая, радостная, пчелиная или муравьиная в людях сила, а он-то думал, что давно все это кончилось у всех, как у него» (Берберова 2010: 154).

Подытоживая сказанное, стоит отметить, что Нина Берберова, как и многие другие представители младшего поколения литературы русского зарубежья первой волны, в своем творчестве обратилась не к изображению идиллического образа дореволюционной России, а к отражению быта эмигрантов в Париже. Однако быт становится для Берберовой только средством для раздумий, касающихся таких онтологических проблем как одиночество, отчуждение, тоска по родине и падение человеческих ценностей. Изображение писательницей быта отражает ее восприятие мира и сущности человеческого существования. Берберова утверждает, что в жизни человека самое главное – не быт, понимаемый как совокупность материальных элементов, а бытие – мир эмоций, и с такой констатацией стоит согласиться.

Литература

- Агеносов В., 1998, *Литература русского зарубежья*, Москва: Терра-Спорт.
Берберова Н., 2009, *Предисловие*, [в:] eadem, *Биянкурские праздники*, Москва: Астрель.
Берберова Н., 2010, *Повелительница. Роман, рассказы, пьеса*, Москва: Астрель.
Большой толковый словарь русского языка, 2000, под ред. С. Кузнецова, Санкт-Петербург: Норинт.
Витковский Е., *Почерк Петрарки*, <http://www.belousenko.com/books/berberova/berberova_vitkovsky.htm> (13.11.2018).

- Гуль Р., 2000, *Рец.: N. Berberova. The Italics Are Mine. Translated by Philippe Radley. Harcourt. Brace and world, INC. New York, 1969*, [в:] *Критики русского зарубежья в 2 частях, ч. 2*, сост., преамбулы, примеч. О. Коростелев, Н. Мельникова, Москва: АСТ, с. 214–224.
- Зверев А., 2003, *Повседневная жизнь русского литературного Парижа 1920–1940*, Москва: Молодая Гвардия.
- Кшондзер М., 2014, *Проблемы быта и бытия в поэзии Бориса Пастернака*, [в:] *Poetik des Alltags. Russische Literatur im 18.–21. Jahrhundert. Поэтика быта. Русская литература XVIIIXXI вв.*, red. A. Graf, Munchen: Herbert Utz Verlag, с. 217–222.
- Мальчихина Э., 2013, *Типология героев в прозе Н.Н. Берберовой. Автореферат диссертации на соискание научной степени кандидата филологических наук*, Москва.
- Мяновска И., 2008, «Арион эмиграции» Владислав Ходасевич в воспоминаниях Нины Берберовой «Курсив Мой», „Acta Polono-Ruthenica”, nr 13, с. 99–110.
- Мяновска И., 2011, Б. Зайцев глазами Н. Берберовой в воспоминаниях «Курсив мой», [в:] eadem, *Контексты культуры русской эмиграции XX века: Борис Зайцев – певец русского православия*, Тогуń: MADO, с. 190–201.
- Толковый словарь русского языка*, 2006, под ред. С. Ожегова, Н. Шведовой, Москва: А Темп.
- Струве Г., 1996, *Русская литература в изгнании*, Париж–Москва: Русский Путь.
- Хатямова М., 2012, *Организация повествования в рассказах Н.Н. Берберовой 1920–1930-х годов: от «Биянкурских праздников» к «Рассказам не о любви»*, «Вестник Томского Государственного Университета» 2012, № 3, с. 100–110.
- Banasiuk E., 2009, *Autobiografia Niny Berberowej „Podkreślenia moje” – historia i struktura formalna dzieła*, „Przegląd Rusycystyczny”, nr 1(125), с. 37–51.
- Biniewska J., 2013, *Nina Berberowa i kronika pierwszej fali emigracji rosyjskiej*, „Slavia Orientalis”, t. LXII, nr 2, с. 245–256.
- Biniewska J., 2015, *Obraz codzienności emigracyjnej w pisarstwie Niny Berberowej*, [в:] *Słowianie na emigracji. Literatura – kultura – język*, pod red. B. Kodzisa, M. Giej, Opole – Racibórz: Wydawnictwo PWSZ w Raciborzu, с. 411–421.
- Domeracki P. 2004, *Z dziejów filozoficznych zamyśleń nad samotnością*, „Kultura i Edukacja”, № 3, с. 35–47.
- Kusa Z., 2013, *Эмиграция глазами Нины Берберовой (по книге «Курсив мой»)*, [в:] *Epoka a literatura i język w Słowiańszczyźnie Wschodniej*, red. A. Ksenicz, P. Stasińska, N. Bielniak, A. Urban-Podolan, Zielona Góra: Oficyna Wydawnicza UZ, с. 141–150.
- Paszkiwicz A., 2011, *Autorski model w autobiografii Niny Berberowej „Podkreślenia moje”*, [в:] *Literatura i kultura rosyjska w metropolii i na emigracji. Księga pamiątkowa poświęcona prof. zw. dr hab. Joannie Mianowskiej*, pod red. B. Wegnerskiej-Ptaszkiewicz, U. Wójcicka, Toruń: Adam Marszałek, с. 434–441.
- Witczak P., 2013, *Proza Niny Berberowej lat 20.–30. XX wieku w kontekście wielkiej emigracji rosyjskiej*, „Acta Polono-Ruthenica”, t. XVIII, с. 137–145.
- Woźniak A., 2015, *Литературные биографии Нины Берберовой: личность в свете психологии творчества*, „Slavia Orientalis”, LXV, nr 4, с. 697–720.

**БЫТ И БЫТИЕ В ПРОЗЕ НИНЫ БЕРБЕРОВОЙ
(НА МАТЕРИАЛЕ ЦИКЛА *РАССКАЗЫ НЕ О ЛЮБВИ*)****Резюме**

В статье подвергается анализу семантика концептов *быт* и *бытие* в цикле *Рассказы не о любви* Нины Берберовой – представительницы младшего поколения русских эмигрантов первой волны. Берберова в своих рассказах отражает повседневную жизнь русских изгнанников в Париже – «маленьких людей», с которыми писательница была лично знакома. В статье автор указывает некоторые аспекты жизни эмигрантов, запечатленные Берберовой: их семейные и профессиональные отношения. Оказывается, что русские эмигранты на чужбине восстанавливали традиции русского быта, которые в изгнании приобрели качества бытия.

Ключевые слова: Нина Берберова, русская эмиграция, русский Париж, быт, бытие

**THE BEING AND THE EXISTENCE IN PROSE
OF NINA BERBEROVA (ON THE SHORT STORIES
RASSKAZY NE O LUBVI)****Abstract**

In the article the author actualizes semantic gradations of concept *being* and *existence* in the short stories *Rasskazy ne o lubvi* written by a well-known novelist and memoir writer, the first wave Russian emigrant in the 20th century, Nina Berberova. She presented the life of ordinary people that she could observe, listen and with whom she could talk. This article describes some parts of the immigrants everyday life: family life, professional life, leisure time. Russian emigrants were able to transfer rituals and traditions of their everyday in Russia.

Key words: Nina Berberova, Russian emigration, Russian Paris, being, existence